

ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ КАК АРХЕТИП РУССКОЙ ДУШИ

Е. Ф. Казаков

THEOTOKOS AS THE ARCHETYPE OF THE RUSSIAN SOUL

E. F. Kazakov

В статье на основании исследования произведений русской литературы и искусства анализируется образ Богородицы как важнейший архетип русской души. Показана доминанта женского (материнского), мессианского, жертвенного начала в душе. Образ Богородицы представлен многоуровневым, выражающим различные состояния души: от высших духовных до несакральных, земных. Через образ Богородицы происходит поиск самоидентификации русской души.

On the basis of research works of Russian literature and art, the paper analyzes Theotokos as an archetype of the Russian soul. The dominance of female (maternal), Messianic, sacrificial beginning in the soul is shown. The image of the virgin is presented as layered and denoting different states of the soul: from the highest spiritual to neutral and secular. Through the image of Theotokos the search for the self-identity of the Russian soul is performed.

Ключевые слова: русская душа, образ, архетип, Богородица, телесное, духовное, душевное, искусство, человек, первозданное, отчуждённое.

Keywords: soul, medieval people, fine art, natural, physical, spiritual, mental, image of a human, Church, icon, pristine, alienated.

Наиболее проработанным в философии понятием для обозначения внутренней нематериальной жизни человека и народа является понятие «душа». Душа – это внутреннее «чувствилище» (Аристотель), совокупность религиозных, нравственных, эстетических переживаний. Она в сконцентрированном виде несет в себе своеобразие человеческой жизни, основоположения которой задаются архетипами – первообразами, определяющими характер и направленность мироощущения. Одним из таких глубинных первообразов для русской души является образ Богородицы.

«Русская душа» – понятие русской философии, заключающее в себе своеобразие русского мировосприятия. О женственности («бабском характере») (Н. А. Бердяев) русской души писали многие русские мыслители, отмечая её нерациональность, эмоциональность, спонтанность, терпение, смирение, покорность, жертвенность... Всё самое важное в жизни русского человека соотносится, прежде всего, с образом Матери: Мать-Родина, Мать-Природа, Мать-Сыра-Земля, Матушка-Церковь, Матка-Правда, и, наконец, Богородица. Именно Богородица считается Хранительницей, Заступницей и главным Упованием России. В русском религиозном народном сознании, по мысли Г. П. Федотова, Богородица «остаётся связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей... В образе Её, не юном, не старом, словно безвременном, как на православной иконе, народ чтит небесную красоту материнства... Однако красота Её подернута дымкой слез» [23, с. 49]. «Царицей Руси» называл Богородицу С. Есенин. Её образ в русской ментальности универсален, в нём выражаются главные интенции и порывы души. Через Него как важнейший архетип осуществляется **самоидентификация русской души**.

«Даже у тех русских, которые не только не имеют православной веры, но и даже воздвигают гонения на православную церковь, остаётся в глубине души слой, сформированный православием», – пишет Н. А. Бер-

дяев [5, с. 266]. В русском народе Богородица пользуется особым почитанием и любовью. В. В. Розанов пишет: «Народы, особенно наш глубокий русский, поклонились, свели всё почти христианство в поклонение «Скорбящей Божией Матери» [17, с. 558]. Образ Богородицы является глубинным в русской душе, устойчивым на протяжении тысячелетия. Он является важной «системой координат», по которой русский человек измеряет своё бытие, осуществляя самопознание.

Одной из основных особенностей русской религиозности является почитание Богородицы, равное и даже большее, чем почитание Христа. Такая любовь к Богородице в народном сердце объясняется, с одной стороны, религиозным страхом перед Христом, а с другой – большей связностью Богородицы с человечеством, её сущностью страждущей Матери и Заступницы. «Христос – Царь Небесный, земной образ его мало выражен», – отмечает Н. А. Бердяев [5, с. 48]. С. Стратановский приходит к выводу, что образ Богородицы – это не только образ Матери Христа, но ещё и символ человеческой души, символ соединения ветхозаветного и новозаветного мира [21].

Рассмотрим, как трактуется образ Богородицы на примере некоторых произведений русской поэзии и живописи XIX – XX веков. Вера в то, что никогда Богородица не покидала и не покинет Землю Русскую, присутствует неотъемлемой чертой в русской богородичной поэзии. У С. Есенина в цикле «Пришествие» **образ Богородицы сливается с образом Руси:** «О, Русь, приснодева, Поправшая смерть!». Это «родство» почувствовал и Д. Андреев: «Тихо Печальница русского края рядом с тобой шла. Если прошел ты, не умирая, сквозь этот строй зла» [1, с. 29]. То же чувствует и Т. Зульфикаров: «А ведь Русь Златая изба-дом приют Ея! И Руси Владычица! И Она – Руси Мать. А разве может быть дитя-сирота у Вечной Матери?» [13, с. 227]. В его стихотворении «Богородица» Дева Мария – «Хозяйка Руси» [13, с. 331].

Образ Божией Матери в отечественной культуре приобретает черты, характерные для русского мироощущения. Поэты переносят Евангельские сюжеты, связанные с Богородицей, в Россию, морозную, лесную, близкую (И. Бунин, Т. Зульфикаров). Прекрасный облик Божией Матери соотносится с типичными образами русской природы, ее тихой, целомудренной красотой (И. Бунин, А. Кондратьев, Т. Зульфикаров). Особую окрашенность в черты русской национальной культуры приобретает образ Божией Матери, когда он переносится в фольклорную среду народных сказок и песен (С. Есенин). Происходит сопоставление образа Богоматери с образом страдающей Руси (С. Есенин). На метафизическом уровне лик Божией Матери сливается с ликом Святой Руси (М. Волошин).

Через образ Богоматери Н. Клюев создает портрет России, а забвение Её для поэта равноценно потере души России. *Россия без Богородицы становится страной без души*. В эмигрантской поэзии главной идеей, связанной с образом Богоматери становится идея Покрова Богоматери, идея Защиты, Небесного Покровительства. Образ Богоматери сближается с образом утерянной России. Поэты, потерявшие земное Отечество, ищут Отечество Небесное. Идея Покрова характерна и для современной российской поэзии. Но здесь образ Покрова вызван обостренным ощущением человеком собственного сиротства, осознанием несовершенства и иллюзорности окружающего мира (Т. Зульфикаров, В. Креков, Л. Никонова).

В иконописном образе Богородицы присутствуют черты русской женственности, например, в иконе XII века «Ярославская Оранта (Богоматерь Великая Панагия)». «Сам иконописный тип Марии – квинтэссенция русской женственности, смиренной кротости и открытости одновременно. Богоматерь, пришедшая на Русь... и начавшая сливаться с Навной – языческой душой русского народа, – полна загадочности, медленного преображения; в Ней зачинается планетарный Логос...» [18, с. 8]. Вся картина О. Кандаурова «Литургия» (написанная под влиянием этой иконы) представляется как внутренний, душевный образ – видение лика Святой Руси, в котором проступают и Великая Панагия и церковь Покрова на Нерли. Образ Святой Руси – Богородичен.

В образе Богоматери с младенцем (особенно, в иконе «Умиление») «отпечатались все характерные черты русского православного сознания, с его склонностью к созерцательности, душевной умильности, мягкости, простоте и скромности» [22, с. 152]. А. И. Языкова пишет: «Здесь Богородица явлена нам не только как Мать, ласкающая Сына, но и как символ души, находящейся в близком общении с Богом» [24, с. 96]. А вот как это выразил Ф. Тютчев: «Душа готова как Мария к ногам Христа навек припасть».

Через образ Богородицы выражаются высшие духовные планы русской души. Одним из самых значительных образов, запечатлевающих духовное бытие, предстает чудотворная икона Владимирской Божьей Матери (наиболее чтимая в русской культуре), для которой все человечество – дитя («под ферулой церкви верующий всю жизнь оставался ребенком» [10, с. 549]). Идея вселенского единства, исхо-

дящая от иконы Владимирской Богоматери, так велика еще и потому, что два ее образа – Матери и Сына – сплавлены воедино, совершенно неотторжимы друг от друга, слиты в новый образ Сыне-Матери. (Биполярное земное бытие получает небесный ориентир для своего преодоления). Два лика, написанные на иконе, заключают в себе полноту, завершенность, потому что все остальные Божественные ипостаси (Бог-Дух и Бог-Отец) также незримо присутствуют здесь в неземном сиянии. Данный образ – всеосвоен, завершен, но не замкнут на себе, не отстранен от нас. Младенец глядит на Мать, Она – смотрит на нас, передавая, передоверяя нам и взгляд Сына, и взор своей Души, соединяя им взгляды человеческие воедино. Здесь соединяются такие важные для русской ментальности идеи соборности, жертвенности и мессианства.

Сюжет Богоматери чаще всего встречается в русской религиозной живописи. Несмотря на взросление человеческой души, относительно Духа Божия, она всегда будет душой-младенцем. Христос-младенец на руках Божьей Матери соизмерим с возрастным состоянием первозданного плана человеческой души. Это портрет душевной жизни, имеющий непреходящую актуальность; всегда соответствующий оригиналу автопортрет младенческой души человеческой. Этим можно объяснить то, что на иконах именно образ Богоматери несет основную эмоциональную смысловую нагрузку, являясь композиционным центром; воплощая в себе бесконечность родительского трансцендентного начала.

В стихотворении «Владимирская Богоматерь» М. Волошина перед иконописным ликом Богоматери проходит вся история России, в том числе её последние страницы. «А когда кумашные помосты / Подняли перед церквями крик, / – Из-под риз и набожной коросты / Ты явила подлинный свой Лик. / Светлый Лик Премудрости – Софии, / Заскорузлый в скаредной Москве, / А в грядущем – Лик самой России...» [8, с. 256 – 257]. Лик Софии, Лик Богородицы и образ святой Руси сливаются здесь в один Лик Владимирской Божией Матери.

В. Иванов называл Божию Матерь «центром и средоточием Рая», «Древом жизни», то есть сутью, основанием, столпом вечной истинной жизни, ибо Божия Матерь дала земную жизнь Христу-Спасителю и Подателю жизни вечной всему человечеству. Это откровение духовидческое, наполненное пасхальной радостью: «Там бегут мои чистые воды. / Там поют мои райские птицы; / Посреди же меня Древо Жизни / Древо Жизни – Пречистая Дева» [14, с. 135 – 136]. Посреди Рая – не Христос, не Бог Отец, не Дух Святой, а Царица Небесная.

Так же видится Она и Ф. Сологубу в стихотворении «Милая мать, ты – Мадонна». Поэт подчеркивает, что сама жертвенная, самоотреченная, посвященная Богу жизнь Богородицы является, в определенной мере, прообразом жизни Христа, Его жертвы. «Учи его умирать без стоны, / Учи его страдать без слез... / Завидишь сени Гефсиманского сада – / Сама вонзи себе в сердце нож» [20, с. 364]. Поэт усиливает здесь момент добровольности, собственного соизволения на жертву Христа и Богородицы. Но у Божией Матери –

своя жертва. Она должна была выстрадать смерть Христа, быть с Ним и стать потом Матерью тому человечеству, которое убило Её Сына. Это соотносится с мессианской жертвенностью, так органично присущей русской душе.

«Мария у Бродского, – отмечает С. Стратановский, – символ человеческой души. С приходом в мир Христа душа будет ранена, но тем самым обретет новый опыт и приблизится к Богу» [21, с. 149]. «И тем же оружием, Мария, которым / Терзаема плоть его будет, твоя / Душа будет ранена. Рана сия / Даст видеть тебе, что сокрыто глубоко / В сердцах человеков, как некое око» [7, с. 233 – 235]. Поэт проникает в самую сокровенную суть пророчества: рана в душе Марии будет оком, через которое Божия Мать увидит всё сокрытое в сердцах русских, сердцах человеческих. Образ Божией Матери, вобравший в себя все самое чистое и возвышенное, противопоставит злу мира сего. Именно через постижение образа Богоматери русский человек возвращается в райское состояние до грехопадения.

В образе Богородицы находят выражение не только высшие духовные, но и иные, например, **грезящие планы русской души**. Так, у поэтов "серебряного века" образ Божией Матери нередко подёрнут туманной пеленой. Богородица часто является во сне, сходит эфемерным расплывчатым миражом. «Будет лелеять, / Будет нам веять / Сном над глубокой водой / О, Мария, в зимы злые / Радость моя голубая! / Сердцу мира – сны золотые, / Панагия – Всевсятая!» [2, с. 410]. Богородица представляется блаженным успокоением после утомительного дня жизни. В образе Богородицы у А. Белого также присутствует мотив сна. «Она ко мне сходила снами / Из миротворной глубины. / И голубила глубинами / Моей застенчивой весны» [3, с. 440]. Это ещё и сон души, не проснувшейся для духовного бодрствования.

Через образ Богородицы, трансформирующийся в образ Небесной Девы, находят выражение и до(не)христианские интенции русской души. С. М. Соловьев отмечал, что в образе Девы у А. Блока – не Богоматерь, а Афродита Небесная [9, с. 101]. «Белая Ты, в глубине несмутима, / В жизни строга и гневна. / Тайно тревожна и тайно любима, / Дева, Заря, Купина» [4, с. 57]. Ю. Верховский (триптих «Дева-Птица») описывает крылатую Небесную Деву. Образ этот по символике приближен к образу Божией Матери («трепет лилий», «невестный взор так тихо нелевестен», «лазурью жаркой и нетленной»), но в то же время отдаленнее к расплывчатому образу Прекрасной Святой Девы. Поэт описывает «Богоявленный лик Девы-Птицы»: «павлиний блеск крыльев – всецветный рай», «гордый побледневший лик», «истомную поволоку глаз из-под ревнивых ресниц».

Небесная Дева в поэзии "серебряного века" предстает снежною, холодною, грустною Девушкой Космоса. «Чистый день Мадонны Снежной / Кроткий символ тайны Нежной... / Что загадочней, грустней...» [15, с. 94]. Она выступает в образе Владычицы Вселенной, Космической Стихии. «О Мария, ты стихия, / Ты – волна с венцом из пены!» [2, с. 410]. Неотъемлемый эпитет Богородицы у К. Бальмонта – "Стихия". Дева Мария «горит как Звезда», «светит в пропасти вод».

Её Образ далек от образа Божией Матери в его традиционном религиозном сознании, Она – холодна, в ней не проявлено материнское начало.

Через образ Богородицы находят выражение и несакральные, земные, природные интенции русской души. Эротическое чувствование Девы Марии особенно выражено в творчестве С. Есенина. «Не стану никакую / Я девушку ласкать. / Ах лишь одну люблю я, / Забыв любовь земную, / На небе божью мать». Поэт не ограничивается только «небесной любовью». «Ах, часто в келье темной / Я звал ее с иконы / К себе на ложе сна» [12, с. 111]. В восприятии Богородицы нередки народные, крестьянские мотивы, где «Русь – телица, русские люди – телята». «О том, как богородица, / Накинув синий плат, / У облачной околицы / Скликает в рай телят» [11, с. 23]. С. Есенин рисует Богородицу в виде народной сказочной героини, где Она выступает как Царица земли, птиц и зверей. «Собрала Пречистая / Журавлей с синицами... / А маленький боженька / Подобралши ноженьки / ест кашу» [12, с. 90 – 93].

В образе Богоматери присутствует несколько начал: божественное и человеческое, девства и материнства. Наибольшее выражение и в поэзии, и в живописи получает материнское начало. На большинстве икон и картин Богородица запечатлена с Младенцем-Христом. Отображение материнского начала в образе Богородицы в поэзии имеет ряд аспектов. Богородица представляется не только как Мать Христа, но в определенной мере приближается к образу матери поэта (Н. Клюев, Р. Ивнев), поэт называет Её своей Матерью (А. Ибрагимов, Т. Зульфикаров, Н. Тряпкин). Анна Ахматова постигает своё материнство через образ Божией Матери, Т. Зульфикаров называет Богородицу «Матерью Руси». В поэзии «серебряного века» Она предстаёт как «Снежная», «Космическая» Дева (в живописи подобный образ запечатлен в произведениях Н. К. Рериха). В поэзии этого периода образ Богоматери обретает черты католической Девы Марии (непроявленность материнского начала, большая чувственность образа); в иконописи и живописи также присутствуют эти черты (чувственность, эмпиричность образа, корона, пышные одеяния – в западной манере).

В восприятии и художественном воплощении образа Богородицы присутствует и традиционные, и новые черты. Традиционное заключается в восприятии Богоматери как Милосердной Заступницы перед Строгим Судией Христом, как последней Надежды и Уповании (М. Волошин, М. Кузмин). Именно Богородица в народном сознании уводит людей в Рай, спасает их (С. Есенин, Н. К. Рерих «Труды Мадонны»). Новые черты в восприятии образа Богоматери особенно проявляются в период «серебряного века». Это определённая десакрализация образа Богоматери, проявляющаяся в эротическом чувствовании образа, в рьяном католическом характере почитания Богоматери. К новым чертам относятся попытки экзистенциального вчувствования в образ (И. Бродский, А. Ахматова), привносящее в него определённый психологизм и несовершенство собственной души (А. Блок, С. Кекова).

Образ Богородицы в русской поэзии и живописи конца XIX – XX вв. приобретает черты русского мировосприятия, окрашивается в оттенки русской культуры, сопоставляется с образами русской природы, русской Земли-Матушки (И. Бунин переносит Евангельские события в зимнюю Россию) и Земли-планеты (О. Кандауров), проступает в образах русских матерей-крестьянок (К. Петров-Водкин), с ним соотносится образ страдающей России (Н. Клюев, С. Есенин). Богородицу называют «Владычицей и Хозяйкой» Руси (Т. Зульфикаров, Л. Никонова), именно её молят о спасении России (русская эмигрантская поэзия). И как высшая ступень – Лик Божией Матери сливается с ликом Святой Руси (М. Волошин). «Россия превращается в Богородицу» [6, с. 10]. В постижении образа Богородицы проявляются черты

ментальности русского человека, его обострённое чувство несовершенства земного мира. Образ Богородицы противопоставляется злу «мира сего», Она выступает средоточием Света, Милости, Любви, «Древом Жизни», «Средоточием Рая» (В. Иванов). Через её образ выражается обострённое чувство сиротства, осознание своей сыновности. Это проявляется в живописи, в распространении сюжета Покрова Богородицы и иконографического типа «умиления». Ещё одна особенность русской ментальности – ощущение духовной близости к Богородице, постоянное богообщение. Образ Богородицы предстаёт для русского человека не только как нечто непостижимое, трансцендентное, а как близкое, родное, как важнейший архетип его души.

Литература

1. Андреев Д. Стихи. М., 1990. № 8.
2. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. М.: Можайск-Терра, 1994. 704 с.
3. Белый А. Стихотворения. М.: Книга, 1988. 575 с.
4. Блок А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978. 480 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.
6. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: АСТ, 2005. 336 с.
7. Бродский И. А. Избранные стихотворения. М.: Панорама, 1994. 496 с.
8. Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991. 480 с.
9. Гайденок П. Соблазн «Святой плоти» (Сергей Соловьев и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996, июль – август.
10. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
11. Есенин С. Соч. в 2-х т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. М.: Советская Россия. Современник, 1990. 480 с.
12. Есенин С. Соч. в 2-х т. Т. 2: Стихотворения. Проза. Статьи. Письма. М.: Советская Россия. Современник., 1990. 384 с.
13. Зульфикаров Т. Поэмы. Стихотворения. Притчи. Песни. М.: Московский писатель, 1999. 494 с.
14. Ковчег: Поэзия первой эмиграции. М.: Политиздат, 1991. 511 с.
15. Новикова Т. «Прекрасная Дама» в культуре серебряного века // Вестник МГУ. 1998. № 1 (Серия: Филология).
16. Православная икона. Канон и стиль к богословскому рассмотрению образа. М.: Православный паломник, 1998. 495 с.
17. Розанов В. В. Темный лик. Метафизика христианства // Религия и культура. Т. 1. М.: Директмедиа Паб-лишинг, 2002. 638 с.
18. Русь и христианство. Альбом. М.: Терра, 1991. С. 182.
19. Семёнова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. 415 с.
20. Сологуб Ф. Избранное. М.: Диамант, 1997. 448 с.
21. Стратановский С. Религиозные мотивы в современной русской поэзии // Волга. 1993. № 4.
22. Тарабукин Н. М. Смысл иконы. М.: Издательство православного Братства Святителя Филарета Московского, 1999. 223 с.
23. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 198 с.
24. Языкова И. К. Богословие иконы. М.: Издательство общедоступного православного университета, 1995. 212 с.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Eugene F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.05.2014 г.